

Сергей
ХОМУТОВ

Нарастающий

ИТОН

Сергей Хомутов

НАРАСТАЮЩИЙ ИТОГ

Избранные стихотворения

**Издательский дом
«Оренбургская неделя»
Оренбург
2012**

Эта книга издана на средства правительства Оренбургской области в рамках реализации целевой программы «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций Оренбургской области» на 2011 – 2014 годы

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 822 (470.56)

X 76

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-(235.55)

Сергей Хомутов. Нарастающий итог. Стихотворения. – Оренбург: ООО «Издательский дом «Оренбургская неделя», 2012. – 128 с.

ISBN 978-5-94162-089-9

© Сергей Хомутов, стихи, 2012 г.

Томы и книги нарастающим итогом

От автора

В любом случае в мои 52 года стоит подвести хотя бы промежуточные итоги. Тем более что написано и издано около 300 стихотворений. Число вполне тютчевское.

Стихи я начал писать в восьмом классе, в 1974 году. Первое стихотворение, которое решил включить в рукописный альбом собственных стихов, датировано 1976 годом и озаглавлено вполне претенциозно – «Время – зеленое, как стекло». Оно было навеяно сборником скандинавской научной фантастики.

В начале 1980-х стало понятно, что сочинение стихов не отпускает. К тому же организовался небольшой круг единомышленников – студентов Оренбургского пединститута (и, что парадоксально, не филологов), где среди прочих гуляли и мои стихи. Более того, была даже предпринята и увенчалась успехом попытка издания самиздатовского коллективного сборника «Сказал и облегчил душу» в количестве 10 экземпляров машинописных копий. Видит бог, среди наших строчек не было антисоветчины, разве что бытовая критика тогдашнего режима.

На последнем курсе института я понял, что пора приниматься за формирование своей первой книги. Чудесным образом это понимание совпало с приобретением портативной машинки «Москва» и знакомством с поэтами Серебряного века.

В 1982 году моя первая машинописная книга в количестве трех экземпляров была готова и даже сброшюрована. До этого пришло простое понимание того, что поэтическая книга – не том стихов, а законченное произведение, объединенное неким общим смыслом, внутренним взаимодействием частей и временным периодом.

Позже автор этих строк узнал, что в современное ему советское время стихи некоторых авторов кочевали из одного его сборника в другой. Это ничего, главное – в начале каждой книги должны быть «паровозы» – стихи о партии (КПСС конечно), о трудовом подвиге советского народа и тому подобное.

Юный автор и не знал тогда, что, выпустив пару таких вторяющихся сборников, можно было вступить в Союз писателей СССР и получать всевозможные преференции – от дополнитель-

ных 10 кв. м жилплощади и отдыха в домах творчества до персональной пенсии.

Пребывая в святом неведении, я подготовил и второй машинописный сборник – «Силуэт». Без надежды официальной публикации.

В литобъединения не ходил, с профессиональными литераторами не общался, стихи в официальные издания не посылал. Хватало ума понимать, что прохожу некий ученический период. Учился у Валерия Брюсова, Андрея Белого, Николая Гумилева, Георгия Шенгелии, Давида Самойлова, Александра Введенского и многих других литераторов, литературоведов, психологов и философов. Учился, конечно, заочно, по их книгам.

Первые два «сборника», к счастью, потерялись, и мне не пришлось по примеру некоторых весьма известных поэтов XIX – XX веков скупать и уничтожать их.

К середине 1990-х в моем активе уже было четыре (в моем понимании) поэтических книги. Готовых, но не изданных. Ходить и выпрашивать деньги на издание, заручаться поддержкой известных литераторов было противно.

Может быть, поэтому лишь в 1998 году благодаря инициативе и поддержке Сергея Денисова эти книги увидели свет. Все они вышли в одном томе, но автор специально подчеркнул, что в нем четыре книги стихов: «Второе зрение», «Светлые песни», «Арьергард», «Зимняя радуга».

К этому времени уже была готова книга стихов «Amo-amare» («люблю любить» – *лат.*). Но она вместе с шестой книгой «Артефакт» в общем томе «Привкус вечности» вышла лишь в 2003 году. Между этими знаменательными для автора событиями его приняли в Союз российских писателей.

Последняя на момент появления этого сборника, седьмая книга стихов «Алфавит» – особенная. Разочаровавшись в логическом формировании отдельных книг, я подошел к «Алфавиту» предельно формально. Убрал из книги время написания стихов, посвящения и расположил стихотворения по алфавиту – от «А» до «Я».

В настоящее издание не вошли две трети стихотворений, вошедших в указанные сборники, и две поэмы.

Отбор стихотворений этой книги автор поручил четверем авторитетным для него людям: поэтам Вячеславу Моисееву, Виталию Молчанову, пародисту Сергею Салдаеву и своей жене Наталье Хомутовой. Автор игнорировал не отмеченные этими людьми стихотворения.

Что получилось – судить вам.

С надеждой на прочтение и понимание,

автор.

Из книги
«Второе зрение»

Стихи 1986 – 1990

* * *

Осенний парк – предмет фотоэтюда,
Дорийский лад, распахнутый для всех,
Создание изысканной причуды
Гедонистических утех.

А парк – как симметричный рай,
Оставленный и оттого прекрасный.
Движенье кажется напрасным
Лишь потому, что близко край

Земли. И, наклонившись к краю,
Увидишь Океан. И, ах,
Там черепах кора резная
Покоится на трех китах.

На глади, как на дне колодца,
Неперевернутое отраженье...
Так во спасенье нам дается
Фантазии второе зренье.

17 августа 1988

Из раздела «Медитации»

Дни ноября

«...Хорошо бы собаку купить».

Иван Бунин

В такие дни особо ждут звонка,
И одиночество становится понятней.
В такие дни что может быть занятней
Слюнявого лобастого щенка?

Его игры простой и бесшабашной,
Его забот веселых и простых...
В такие дни берут все мысли наши
Тяжелые и гулкие стихи.

Тревожный ритм оковывает мысли
И направленье выбирает он.
И это направленье – сон,
В котором небо низко-низко.

Вода стеклянною крупой
Сечет стеклянных окон лица...
И вот так хочется молиться
Молитвой грустной и простой.

В тот миг, как устаешь бродить
Неслышной тенью по пустому дому...
В такие дни не стоит подходить
Ни к зеркалу, ни к телефону.

7 ноября 1986

Стансы

Пролетел и сломал свои крылья февраль,
И весна острогрудой сосулькой
Колет тусклый вчерашний февральский хрусталь,
Чертит русла ручьев – одиноко и гулко.

На замерзшем стекле напишу свою грусть
Теплым пальцем по белому бархату.
Я вернусь, обязательно скоро вернусь
В мир цветочных удушливых запахов.

Мир вернется ко мне – в суете, маете,
Прежней песней, забытыми нотами.
И не скрывается пронзительно-звонкой мечте
За такими земными заботами.

Февраль – июнь 1987

На озере

На озере стынут вечерние тени.
Закат догорает – широк.
И мелкие-мелкие волны-ступени
Выводят на мокрый песок.

И здравому смыслу так зябко и зыбко,
Что веришь: настанет черед –
Ударится в берег глупая рыбка
И ящеркой поползет.

10 июля 1988

У моря

Как дышится просто. Сирень разлита
По скалам, ступеням, перилам,
И явственно видится тень маяка –
Громадой над темным заливом,

Когда предвечерний загадочный свет
На запад сползает улиткой,
А сердце сшивает последний сонет
Довольно суровую ниткой.

7 ноября 1988

Одиночество

Унылый и осенний дождь
За стенами почти не слышен,
Но кажется, что шепчут крыши
Сакраментальное: «Не трожь!»

Часы унылое тик-так
Сплетают выпренок и цепко.
Ночь без луны. Закрыт кабак.
И ремонтируется церква.

8 – 9 июля 1988

Посвящение весеннему льду

Мутный сплав распластанных метелей,
Лед весенний, ты же сохранил
Песни те, что оттепели пели
После бушеванья снежных крыл.

Ты теперь расслабленно мерцаешь –
След и грань морозов и тепла –
Лишь участками напоминаешь
Глубину зеркального стекла.

Но истает зеркало, исчезнет,
Круг сомкнется, выступит роса.
В капельках все то же отраженье –
Небеса.

Февраль 1988

Из раздела «Сюжеты»

Вторая неоконченная баллада

– Ату его, гончие, слуги борзые!
Сегодня охота, и вам не впервые
Стрелой лететь на уставшего волка,
За вами хозяин, за вами двустволка.
Вперед! Все сомненья оставьте на кухне.
Сейчас он устанет и дрогнет, и рухнет.
Он стар, осторожен, сторонится стаи.
Эх, в стае давно бы его мы поймали.
Он бродит один по хозяйским предместьям.
Не трогает скот. Куры тоже на месте.
Он странен. И, может быть, этим он страшен,
Когда, словно призрак, скользит среди пашен,
Сливаясь с землею и с небом сливаясь,
Собой остается. Собою оставаясь,
Обходит приманки, ловушки, капканы.
И этим он страшен, и этим он странен.
– Ату его, гончие, слуги борзые!
Вперед через поле, ведь вам не впервые
Всей сворой, отрезав пути к отступленью,
Убить. В этом слове и смысл, и стремленье
Убить. В этом слове инстинкт первородный
Уютно устроенных и не голодных.
Спешите! Он к дальним деревьям уходит.
Ага, повернул... Это водит он, водит.
Опять к кромке леса метнулся, как прежде.
Теперь мы возьмем его, будьте в надежде.
Лес небольшой, и ему не укрыться,
Не сгинуть, не спрятаться, не провалиться...
Но что там скользит по верхушкам деревьев,
Как серая птица из древних поверий,
И что там мелькает на палевом небе?
Мерещится: крылья взметнулись в разбеге...

Два серых крыла проплывают над лесом.

Начало февраля 1987

Дон-Жуан

– Мой след, оставленный в веках,
Пунктирному подобен следу.
Укрывшись в креслах мягким пледом,
Шепнете вы: «Какой размах!

Какая удаля! Словно взмах
Крыла над временною бездною».
Лениво вспомните мой крах
Улыбкой, несколько скабрёзной.

Но ни понять, ни оценить
Не сможете событий нить.

Не в силах возражать судьбе,
Я создавал любви-брёды
И вкладывал в свои победы
Всю неуверенность в себе.

Январь 1989

Нарисуй...

«*Paint it black...*»

«*Rolling Stones*»

Если солнечным днем немоту, как печать,
Ты сумеешь сорвать и трудом ненапрясным
Постараешься новое слово создать –
Нарисуй это красным.

Если смог ты суровый итог подвести
И сдуваешь с листов серый пепел и иней.
Это значит, что новые будут пути –
Нарисуй это синим.

Если даже ночами продолжишь читать
Сочетания слов – это значит, нашел ты
В них своё. Ты умеешь других понимать –
Нарисуй это желтым.

Если друга не смог, не сумел ты понять
И, с презрением сплюнув, бормочешь: «И черт с ним».
Это страшно, но ты научился терять –
Нарисуй это черным.

16 марта 1987

Из раздела «Размышления»

Экзистенциализм

Стишок

Сергею Салдаеву

По бумаге ручкой без чернил
Знаки вдавленные выводил.
Разливал веселье по стаканам.
Много пил и, как всегда, шутил.

Лез на стенку, у окна стоял,
Разбивал дежурный идеал.
Всё искал для праздника названья,
А найдя, тотчас же забывал.

Снял пальто, и спать улегся, и...
И во сне мерещилось сабли,
А еще поджаристая булка,
Весь Кузьмин, Аполлинер, Дали.

Разлетался, стало быть, во сне,
Крыльями зашаркал по стене.
Крылья снял и в уголок поставил.
Стал бескрылым, стало быть, вполне.

Встал и кофе хряпнул, а потом
Притворился ласковым котом.
Сам себя свернул на табурете
И в себя же кинул сапогом.

Высыпал из всех часов песок,
Сочинил вот этот вот стишок
И застыл с распластанной улыбкой,
Удивившись выстрелу в висок.

1990

* * *

Ивану Малову

Ночная волна зажигает лампы,
И фосфорным блеском оделся песок,
А нам предстоит унижительно падать
На дно своих снов сквозь сплетенье осок.

И мы не увидим, как пляшут Наяды,
Не вспомним, как ночью Тритоны звучат,
Как море меняет ночные наряды,
Пытаясь найти изначальный наряд.

И древней воды невесомое ложе
Отринет забывшего истинный путь,
Покрытого бледною гладкою кожей.
Смирись, человек, смирись и забудь

Ночные причуды, морские лампы,
Томительной грани прибрежный песок.
И падай в себя, унижительно падай
На дно своих снов сквозь сплетенье осок.

1990

* * *

Какой постыдный, жалкий жребий
Достался напоследок нам:
Служить ославленным гробам
В цепи бесславных поколений.

1990

* * *

Перелетные птицы российских границ
Контрабандой уносят разбитое сердце.
В светлом небе темно от распластанных птиц,
Отыскавших воздушную дверцу.

Путь на юг, путь на запад, по кругу, и вот –
Разрываются связи, полет бесконечен,
И по небу разбитое сердце плывет,
Возвращаясь домой – уж теперь-то навечно...

Мысли – дрянь. Облака. Мир запутан, но строг.
Симметричны рожденья, потери, границы.
И моей траектории грустный итог,
Как круженье оставшейся птицы.

16 апреля 1990

**Из книги
«Светлые песни»**

Стихи 1991 – 1992

* * *

Я не умру. Я буду взят
В Его надгорние селенья.
И робкой долей – вдохновеньем –
Я расплачусь за этот ад.

За темный ад души своей
С коварством, злобой, исступленьем,
С мельканьем призрачных теней –
Врагов от самого рожденья.

Но приведет меня напев
Через мытарства к искупленью.
И, славу Господу пропев,
Я встану в цепи поколений.

Июнь 1991

Ворону

Вещий брат мой – знак моей беды,
Ты расскажешь о своей потере,
Каплях крови в листьях лебеды,
Но тебе, конечно, не поверят.

И рассвет заблещет на крыле,
Отливая золотом на перьях.
Ты расскажешь криком обо мне
В прежнем времени, как о поверье.

Гордой песни горькие слова
Зазвучат в твоей гортанной муке.
Ты расскажешь ей: «Любовь жива
После смерти...» Пусть вздохнет от скуки.

Июнь 1991

Из цикла «Иван-чай»

2.

Ночью света, смотри, не включай.
Зацветает в ночи иван-чай.
Этой ночью влаги крыло
На глаза и ресницы легло.
Так взлети, подставляя виски
Ветрам злой флорентийской тоски.
И лети, пробивая миры,
К месту нашей полночной игры.
Иван-чай заведет хоровод
Из лучей и струящихся вод.
Распахнет все сокровища ночь,
Невозможному в силах помочь.
А когда засверкает звезда
Между нами, скажи: «Навсегда».
Ночью света, смотри, не включай.
Зацветает в ночи иван-чай.

16 июня 1991

Триолет глаз

Глаз твоих темницу голубую
С темными прожилками тоски
Каждый вечер в памяти рисую.
Глаз твоих темницу голубую
Мысленно и трепетно целую.
Вижу – и горят мои виски –
Глаз твоих темницу голубую
С темными прожилками тоски.

11 апреля 1991

* * *

Расплавленных мечтаний золото
Возьми в ладони и пролей.
Ведь солнце так искристо-молодо,
Что нет теней.

И нет разрушенного прошлого,
И где-то в уголках души
Ты угольков былого крошево
Не вороши.

Истлеют прежние обиды,
На запад облака уйдут.
Ты вымолишь себе уют,
Со счастьем солнечного вида.

3 октября 1991

* * *

Старый дом и разбитое кресло.
Тяжело, но не горько во тьме.
Даже времени злое соседство
В суетливых часах на стене
Не отменит размеренность хода
Тихих мыслей. Они не умрут,
Не исчезнут в пространств переходах
И в скольжении быстрых минут...
И когда через много столетий,
Воплощений, измен и преград
Мы увидимся снова не свете,
Я скажу тебе: «Видишь, я рад».

* * *

Рыжий лис в заснеженном лесу,
Яркий, одинокий и нездешний.
Этот образ в памяти несу.
Написать о нем я тщуь в надежде,

Что когда-нибудь настанет срок:
Он придет и сядет у порога.
Я пушу его, быть может, на часок,
Может, навсегда. И буду строго

С ним делить заснеженный покой,
Неуютность мира и квартиры.
Будет он зевать под звуки лиры,
Удивляясь сей игре пустой.

Станем с ним не то чтобы друзьями,
Но покорно примем жизнь вдвоем.
Долгими вечерними часами
Будем твякать каждый о своем.

Снег растает, и туман белесый
Позовет его в дверной проем...
И тогда мы навсегда уйдем
В ржавый цвет оттаявшего леса.

Конец ноября 1991

Свобода

Где застывает светлый вар –
Блеск солнц, колеблемых волнами,
Идет вперед разбитый барк
Под ледяными парусами.

Не отблеск путеводных звезд
Его ведет над бездной водной,
Его исчисленный полет
Немой, покорный, но свободный.

Он брошен. Лед ему броня.
Борта крошатся застывая,
И в них врастает лед, храня
Изгибы лебединой стаи.

Он из тропических морей,
Гонимый ветром и теченьем,
Пришел сюда – к началу дней,
К началу мироисчисленья.

Здесь он не нужен никому
И навсегда в своем дому.

1990 – январь 1992

Ворону – 2

В твоём крыле – цвет побежалости.
Упрямый профиль, крепкий слух.
Ты – знак моей ночной усталости,
Ты – Невермора дух.

Настанет день, и я, без жалости
Отбросив тела легкий пух,
Взлечу с тобой, мой знак усталости.
Я только облачко, я – дух.

И, удивившись неба алости,
Уйдем в рассвет, в себя самих.
Простимся с миром. И без жалости
Недосчитаются двоих.

28 марта 1992

Второе желание

Говорят, морозною порою,
В хмурой дымке новогодней ночи
Исполняется желание второе –
То, что тоньше и нежнее прочих.

Часто мы понять его не в силах,
Поднимая пенные бокалы.
А оно движением застылым
Входит в дом и путником усталым

Тихо так садится у веселья
Незамеченной ночью тенью
И рисует звук виолончелью
Или переливистой свирелью,

И колдует плавно, словно тает
Над сердцами новогодней ночи.
И оно исполнится, я знаю.
Потому что так – нежнее прочих.

31 декабря 1991

Элегия

Истосковавшись по теплу
Каким-то первородным голодом,
Я прислоню ладонь к стеклу.
Стекло дрожит вечерним городом.

Неясный и неслышный шум
Наполнит пальцы и сознание,
Как стертое воспоминание
Позавчерашних горьких дум.

Но до рассвета будут жить,
Друг в друга проникая снова,
Надежды трепетная нить,
Дрожание стекла ночного.

6 мая 1992

* * *

Ангел с печальным и детским лицом
Нежными крыльями неба коснулся.
Старая сказка с грустным концом,
Значит, опять я в тебя окунулся.

Ангел, мой ангел, ужели опять
Вы с тихой песней меня покидаете,
Чтобы как прежде в пространствах витать,
С легкой улыбкой на землю взирать?
Не улетайте. Но Вы улетааете.

Знаю, что в небе просторней, чем здесь.
Здесь за плечом одиноко и сиро.
Кто я? Богами забытая лира?
Голос чужой? И ненужная весть

Миру, что есть на земле искупленье
Песням, свободе и даже любви?..
Я не прошу для себя исцеленья.
Только прошу Вас подольше продлить
Песен и сказок безумную нить.

9 мая 1992

* * *

Коту Маю

Наверное, он прав, мой черно-белый кот,
Когда сменяет сон игрою.
Что жизнь? Чередование забот,
И только мелочных забот,
В попытке спорить с пустотой.

Наверное, она права.
Не пустота, не жизнь, а женщина,
Когда пытается права,
Такие милые права,
Сменить на боль, что мне завещана.

Права природа за окном –
В цветении и увяданье.
И даже прав мой старый гном,
Который в сумраке ночном
Следит мгновений умиранье.

Ах, Боже, и куда ни кинь, всё клин.
Всё в вечном измененье.
Существованием своим
Я причиняю боль другим.
И вот без слез и удивленья

Щемящую неправоту
Всей веры в правду ощущаю.
Пора надежды пустоту
Сменить на просто пустоту.
Да вот никак не умираю.

15 июля 1992

Ночная душа

Так бывает порой: небо вдруг опускается ниже,
А весь мир замирает, спокойно и просто дыша.
Кто-то бусинки снов на сознание нижет и нижет,
И вечерними песнями бредит ночная душа.

И все чудится ей: не окончен докучливый вечер,
И веселье в разгаре, и музыка – там, за стеной,
Но уже в небесах зажигают лампаду и свечи,
И душа расправляет два легких крыла за спиной.

И взлетает она, как большая бесшумная птица,
Без теней и без взмахов, так странно и плавно кружа.
И все чудится ей – этот город внизу только снится,
Только снится душе. Это так отдыхает душа.

17 – 20 июля 1992

* * *

И Франциску помолясь святому,
Я уйду по брошенной земле.
Просто так, монашком – к косогору,
Бросить отражение воде.

Там застыну, брат зверья простого,
Скользких гад и чистеньких стрекоз.
Зазвучит (как там у Гумилёва?)
Музыка пластичных, нежных поз.

Буду помнить, буду только помнить
Мир, оставленный назло судьбе.
Улыбаться просто и не томно
Лишь воде.

3 августа 1992

* * *

Бабье лето окончилось. Дождь
Все стучится в разбитые стекла.
А желание сердцу помочь
Так продрогло, так крепко промокло,

Что без помощи сердце. Конец
Светлой зелени злomu веселью,
А над миром – терновый венец,
В темно-серой дождя канители.

Капли колются холодом. В ночь
Уползает несолнечный вечер,
А желание сердцу помочь
Исчезает сторевшею свечкой.

И тогда – в темноте, с края крыш
Опустевших и мокрых кварталов,
Словно Гойи летучая мышь,
Тень моя заскользит. И устало

Не в Эдем и не в ад – на огонь
Полетит, чтоб о стекла разбиться
И томленьем души в чей-то сон
Безнадежно и горько явиться.

23 сентября 1992

* * *

На чужой фотографии мутным пятном
Я оставлю свой след. И на плане втором
Навсегда проявлюсь – только часть декорации
Для мгновенья чужого. Чужой – на чужом.

Лето 1990 – октябрь 1993

Читателям

Над суетой, над злом, над осенью,
Раскинув рваной сетью тучи,
Я улыбнусь, а вы попросите
Напева, музыки тягучей.

И зазвучит, и убаюкает
Мое ночное вдохновенье
Вас – вздохами да перестуками,
Да клеточком листвы последней.

Пусть будет сладким повторение
Всех звуков в памяти и в мире,
Пока возносится курение
Сжиганьем лиственной порфиры.

Но даже белое сияние
Снегов не скроет, не излечит
Той грусти, с коей нет прощания,
Но нет и встречи.

И вы застынете в молчании,
Быть может, на пути из дома,
В тревоге, в снеге, в ожидании
Былого.

6 октября 1992

* * *

И когда небеса наверху еще не были названы,
И когда мир прямой и зеленый не ведал пролитой крови,
Кем-то внятно и гордо, и зло навсегда были сказаны
Все слова жгучей, плотской, несчастной вселенской любви,

Той, которой попозже отравлен был плод всепознания,
Той, которая жгла на пути корабли, города,
Отдавала поэтам больное ночное сознание,
Ненавистно-нужна, как тюремные хлеб и вода.

И скрывалась она, как кикимора в мутных болотах,
И блистала, как солнце, в бокалах вельможных дворцов,
И в ущелья манила красивым обманом полета,
За собой уводила царей, превращая в рабов.

И теперь лишь царей выбирает она в провожатые,
Чтобы бросить в пустыне, слезами и кровью умыв,
Самых сильных людей, превращая в травиночки сжатые,
Высыхать оставляет, не дав о себе позабыть.

И когда небеса наверху еще не были названы...

Апрель – 10 мая 1992

**Из книги
«Арьергард»**

Стихи 1992 – 1993

* * *

Я родился и, сумев заплакать,
Объявил о том, что я живой
Утром осени. А дождь и слякоть
Появились позже, вслед за мной.

Но мне чудится, что в этой жизни
Только дождь стучит в мое окно –
С укоризной, весело, капризно –
Почтальоном, женщиной, Отчизной –
С приглашением на казнь или в кино.

7 октября 1992

Олени-дни

Грядущее темно, в небесном море – сон,
А прошлое – в слезах и на коленях.
И мне тоску теперь почувствовать дано,
И воплотить ее в глазах оленей.

Пугливые и быстрые, они
Бегут по шумным улицам к закату,
Чтоб кануть в пустоту. Мои былые дни...
Олени-дни,
Бегущие в Когда-то.

17 – 18 октября 1992

Серебряный век. Золотой век

Господь прозрел наш скорбный век
Одной кровавою заплатой,
Но все же сотню человек
Послал поэзии в солдаты.

В наш век – в один большой костер –
В котором и сгореть им...
А время Пушкина простер
Над девятнадцатым столетьем.

14 ноября 1992

* * *

В ночи живет другая ночь,
Где мрак один другого глубже.
Ничто не отразится в луже
Из звезд. И сердцу не помочь,
Когда тенёта липкой мглы
Накроют, растворяя разум.
И ты поймешь, и то не сразу,
Что это мир другой страны.
Не считаешь пустоты
В минуты полного провала,
Обморочного перевала
За грань начальной темноты,
Где черным пламенем горит
Твое последнее проклятье,
Где тело, дух, душа – лишь платья,
В которых странствует пиит.

Январь 1993

* * *

С утра метет. И холодно в квартире.
Сад за окном пытается взлететь.
Он улетит, и пусто станет в мире,
И будет не на что с утра смотреть.

И незачем мне станет вечерами
Пытаться прочитатъ игру теней.
Я здесь, я прежний, я, увы, не с вами.
С утра метет, но сердцу не больней

И не тревожней. Только очень пусто.
Года идут, седеет голова,
И, не поняв бессмыслицы искусства,
Я с ним играю в сложные слова.

Февраль 1993.

Звездный городок

* * *

К вечеру жизнь наполняется
Музыкой, пряностью, танцем.
Снегом земля покрывается,
Мир – электрическим глянцем.

Город раскрашен и высвечен,
Город открыт для разбоя
Жадным сердцам. Им-то вычерчен
Путь в безрассудство ночное.

Знаю, что полем заснеженным,
Небом колючим и серым
К жадным сердцам – лютой нежитью –
Сходятся запахи серы.

Кружатся злые желания.
За полночь – время упадка.
Так начинается таянье
Душ. До конца. Без остатка.

11 января 1993 – март 1993.

Звездный городок – Оренбург

Лазурь

Недоступная нежность милей
Теплоты незаслуженной ласки.
Я грунтую лазоревой краской
Холст последней картины своей.

Золотое покроет лазурь,
А по золоту черное ляжет.
Время третьей предутренней стражи
Нанесет на сознание глазурь.

Так окончатся жизнь и судьба –
Не законченной вовсе картиной.
На картине дорогою длинной
Воплотится о вечном мольба.

Много сменит она галерей,
Чердаков и заброшенных зданий,
Чтобы слушать признания тайные
Гномов, птиц и продрогших людей.

Много сменит она галерей.
Холст состарится, высохнет, треснет.
И проступит ненужною вестью
Нежность первой лазури моей.

Март – апрель 1993

* * *

Шатаюсь в сумерках столиц,
Стуча о мостовые тростью,
Я был для них незванным гостем,
Пришедшим насмотреться лиц.

А красота мостов и рек
И вся величественность зданий
Мне не давали новых знаний.
Я, как прохожий человек,

Каким-то зреньем боковым
Смотрел на все богатства мира.
И только звездная порфира
Прекрасным пологом своим

Меня, как прежде, укрывала.
И понял я: всему свой час,
Который сам отыщет нас.
И нет конца. Но есть начало.

27 июня 1993

* * *

Вячеславу Моисееву

Я живу в простоте и пороке.
Бесконечный сегодняшний день
Дарит мудростью, но неглубокой,
Даже плоской, как глупая тень.

Но с годами мне странно яснее
Окончанье земного пути –
Пути сбросить душа не сумеет,
В небо ангелом не отлетит.

А земное к земному вернется,
Ничего не отправив в зенит.
Может, ласточкою обернется,
Может, жаворонком зазвенит.

Быть мне птицей с тоской об ушедшем,
Не нашедшей приют в небесах.
Долго взвешивать злое прошедшее
На чувствительных крыльях-весах.

9 – 13 июля 1993

* * *

Написать две баллады, выпить пинту вина,
Закусить по-простому – и ладно.
– Ну и ладно, – шепнуть, – ведь сума – не тюрьма,
Воли много и жизнь не накладна.

И в таверне забыть за бесплатный обед
Пару песен и посох из палки,
И уйти бесконечной дорогой без бед,
На ходу сочиняя считалки.

И считаться с собой, и себя не корить,
Громко петь на пустынной дороге,
Только пыли и травам себя раздарить.
Вот мечта, так знакомая многим.

8 сентября 1993

**Из книги
«Зимняя радуга»**

Стихи 1993–1994

Возвращение Боромира

*«О западный ветер, какую весть
несешь на своих крылах?
Где странствует ныне герой Боромир,
в каких нездешних краях?»
Дж. Р. Р. Толкиен*

1.

Баюкая израненную руку,
Я вдруг загрезил в полусне.
И образы являться стали мне.
Чужие образы сквозь ноющую муку.

Я песнь кочевника, казалось, напевал –
Немую песню горького исхода.
И зорко ждал зеленого восхода,
И в памяти товарищей считал.

И в ожиданье участи и славы
Так много нас баюкало в душе
Надежду, что на дальнем рубеже
Окончится наш путь кровавый.

2.

Я все больше люблю тишину
И заснеженность зимнего леса.
Так не любят жену и страну.
Только меч свой – за холод эфеса.

И когда-нибудь твердой рукой
Рассеку я прохладные дали
И шагну в пустоту за рекой
С колдовски намагниченной сталью.

Только меч мой укажет мне путь.
Будет он и прямым, и кровавым.
Всё вперед. Даже не отдохнуть
В вечных поисках гибельной славы.

И гордыня меня приведет
В Минас Тирит последней надежды.
И назгулов смертельный полет
Встречу я в королевской одежде.

Арагорна откованный меч
И изрубленный рог Боромира
В этот раз не сумеют сберечь
Свет и мудрость эльфийского мира.

И о гибели буду я знать.
Не надеясь, что будет иначе.
Вам, увы, никогда не понять:
Смерть достойная – цель и удача.

Начало 1994 – 11 июля 1994

* * *

Сергею Салдаеву

Если голову задрать,
То свое подставишь горло.
Все равно. Открыто, гордо
Нужно даже смерть принять.

Чтобы кто-то там, вдали,
За небесными морями,
Рассылая корабли,
Хоть один послал за нами.

Соберемся на борту
Все, кто с легкостью оставил
Жизнь свою, но не мечту
Солнечной игры без правил.

Кто земной оставил край,
Грезя о неведомых скалах.
Кто искал свой грешный рай –
Сумасшедшую Валгаллу.

4 – 5 июня 1994

Благовещение

Сегодня выпускали птиц
Из клеток – в ранние туманы.
Свободой искренней, нежданной
Они на небо поднялись.

Не лица, лики над Землей
Склонились, как над колыбелью.
Над яслями, рекой-купелью
И над Голгофой роковой.

Над всеми нами... Так во мгле
Свет – ежедневное спасенье.
Есть две надежды на земле:
Благая весть и Воскресенье.

7 апреля 1994

* * *

Вновь бабье лето – время паутинок,
Волнистых линий, лишкх серебринок,
Натянутых на уровне лица.
Мы их лучи небрежно разрываем
И по ветрам в полеты отправляем
До высохших деревьев, до конца.

Не страшно от того, что нити Парок
Вот так же тянутся через осенний свет.
А вдруг судьбы серебряный подарок
Я разорву?... И мира больше нет.

Сентябрь 1994

Элегия

Свивая пелену дождя,
На землю приходила осень.
Листвой последней шелестя,
Хитря и прячась в зелень сосен.

Но все же оставляла след
Неотвратимостью сознания,
Что повторенье зим и лет –
Спасенье, а не наказание,

Что жизнь – всего лишь смена вех.
С покорной гордостью искусства
Прими все это, человек,
И привкус вечности почувствуй.

Апрель – 15 августа 1994

* * *

Я бреду, как слепой.
Вместо палочки – звонкий мотивчик.
Отражается он
От окон, тротуаров, дверей.
Зябко щупает путь,
Оставляя дрожащий курсивчик
В книге жизни –
Сплетеньем зажженных огней.

Я фонарщик слепой,
Музыкант-крысолов из Гамельна.
Я зову за собой
Всех невзрослых и взрослых детей,
Всех плененных зверей
В край, где скажет любой непременно:
«Я свободен и светел. –
И добавит: - Теперь я ничей».

199...

Девяностые – сумерки века...
Может быть, не за срок, а на боль
Провиденье ведет человека,
Погружая в земную юдоль.

И отчасти разумностью боли,
Протяженностью вечной тоски
Живы мы. И другого не стоим...
И горят огневые виски.

3 августа 1994

* * *

Не все еще сделано, не все еще сказано,
И строй русской речи раскрыт не вполне.
За это стихами, словами наказана
Душа, что когда-то досталась и мне.

И дело не в смыслах и даже не в связях,
Не в ритмах, не в звуках, не в рифмах-шагах,
А в тонкой, томительной, путаной вязи
Седой паутины на наших сердцах.

Ах, мне не дано разорвать паутину
И молвить свободному сердцу: «Лети!
Лети, куда хочешь, – на дно, на вершину!»

Но, может быть, ты этих строчек причину
Поймешь... И забьются два сердца в груди.

14 ноября 1993

* * *

Сергею Салдаеву

Вот и всё. И уснула печаль.
Даже ей так знакома усталость.
Я устал вместе с ней, и казалось,
Что усну. Вместо этого встал

И, рукою нащупав ночник –
Черной кнопки включение света, –
Разорвал боль ночную ответом:
Я, наверное, просто привык

К этим мыслям – глухим, как тоска,
К этим снам наяву, к этой боли,
К чутким пальцам, отсутствию воли
И к минутам, как струйкам песка.

Проку нет о спасенье просить.
Не любим ни людьми, ни богами,
Я несु беспокойное пламя
И не в силах его погасить.

10 октября 1994

* * *

В прежних жизнях воин и монах
И с душой то грешной, то святою,
Я искал кровавый смысл в боях
И незримый нимб над головою.

Был распят на собственных мечтах,
Был изрублен собственным оружием.
Только крыльев белый верный взмах
Рассказал мне, для чего я нужен.

Я ведь призван Вашей красотой,
Вашим исполнением желаний.
Я – итог мучительно-простой
Томных сновидений и мечтаний.

Верю я: Вы навсегда со мной.
Если нет, тогда готова плаха.
И сольется все в судьбе одной –
Гибель воина и смерть монаха.

1994

* * *

Ничто не спасает – ни вера, ни пьянство.
Любовь – паутина. Сердце – паук.
Разум в углу, в заплетенном пространстве,
Бьется, как муха, в поисках мук.

Выпьет его ненасытное сердце,
Съест паутину и тихо замрет.
Бог-козодой, не поняв это сердце,
Просто букашку склюет.

15 октября 1994

* * *

Других я не напоминал,
Я разрушал воспоминанья,
Был островом отвесных скал
Без птиц и даже без названья.

А ей хотелось, чтобы я
Был теплым берегом знакомым,
Был продолженьем бытия
И вел к изведанным истомам.

Я умирал ветра, в песок
Стирал базальтовые скалы,
И у ее прекрасных ног
Ложились мертвые нарвалы.

Но всей щемящей красоты,
Свободы, искренности мира,
Небес слепящей чистоты
Она со мной не поделила.

С тех пор я строю из песка
Подобье берегов скалистых,
Но разрушает все тоска –
Волной решительной и мглистой.

1994

**Из книги
«Апо-амаге»**

Стихи 1994 – 1996

* * *

Амо-amare... Что же, в этот бред
И мы внесли частичку пониманья
Чего-то общего, чужих проблем и бед,
Жизнь проживая без названья.

Амо-amare... Каждую главу
Все ж называя именем потери,
Мы понимали, глядя в синеву,
Что трудно так любить и верить.

Амо-amare... Знатье бесконечно...
Амо-amare... Знали и могли...
И все-таки теряли так беспечно.
Любить любили, да не сберегли.

* * *

Ну что же... немного участия
И мне испытать довелось...
Как скоро изведалось счастье,
Как быстро он извелось.

1995

* * *

Ты не запомнишься такой, как ты была.
Останешься такой, как я тебя представил.
Ты взглядом пробеги страницы-зеркала
Всех книг, что о тебе и для тебя оставил.

Через один-другой десяток лет
В тебе уже не станет раздраженья.
И ты поймешь, как прав был твой поэт
В своих тревогах и в своих волненьях.

Стихи другим помогут в их беде,
Поддержат и в прощеньях, и в прощаньях.
И станут эти строчки о тебе
Реальней твоего дыханья.

16 января 1995

Одиночество-искусство

Я дважды преданный – тобою и тебе.
Я трижды глуп. Во-первых, потому что
Сумел суровой доказать судьбе,
Что одиночество – искусство.
А во-вторых, я глуп хотя бы тем,
Что все люблю любовью горькой.
А в-третьих, верю: всё не насовсем ...
Не укатали сивку горки.

1995

Рождественская сказка короля

Ты можешь быть гордой, ты можешь быть голой,
Ты можешь не нравиться мне...
Порой от тебя остается лишь голос
И тень в освещенном окне.

Ты что-то упрямо твердишь телефону,
Озвучив театр теней,
Тогда я устало снимаю корону –
Потери не празднуют в ней...

Останется тень и останется голос
В сознание – немного, но все ж...
На ниточке памяти – тонкой, как волос –
Когда-нибудь ты оживешь.

Вздыхну, и качнется рождественский шарик,
А пламя свечей задрожит.
На елке сгорит мой бумажный фонарик,
Тогда я пойму, что забыт.

И пламя раскинет на хвойные ветки
Все жаркие языки.
Сгорят все игрушки, орехи, конфетки,
Останутся угольки.

Но где-то под свежеею черною сажеею
Остатками серебра
Отыщется чистая, светлая даже
Лужица из стекла.

Апрель – май 1995

Елисейские поля

*«В Париже площадь есть,
Ее зовут – Звезда...»*

О. Манделштам

Поля Элизиума, вновь
Вы в памяти, я ваш прохожий...
Вы так похожи... не похожи
На изменившую любовь.

А ваш полуночный рассвет
Кипением толпы безумной –
Теперь как бесполезный свет
Звезды далекой ночью лунной.

И что с того, что я бродил
Не в одиночестве и в свете
Всех фонарей и всех светил
По вашей сказочной планете?

Что из того?.. Всё было зря.
Как не со мною было это...
Поэт. Любовница поэта.
Ночь. Елисейские поля.

1995

Танец дождя – фанданго

Танец дождя – фанданго –
Танец воспоминаний –
Кто-то танцует, чтоб вспомнить,
Кто-то – чтобы забыть.
Вот и водой покрылись
Все островки мечтаний.
Дождик их заливает –
Нить и за нитью – нить.

Мне ведь теперь не вспомнить
Дождь – тот, который первым
Грусть подарил. А впрочем,
Можно ли вечно грустить?..
Танец дождя – фанданго
Танцуют фигуры в сером.
Дождик их вместе сшивает –
Нить и за нитью – нить.

Танец дождя – фанданго –
Танец воспоминаний –
Я станцую однажды,
Чтобы закончить быть.
Дудки, гитары, маски,
Клоунские кафтаны
В яркую ткань сольются –
Нить и за нитью – нить.

Танец дождя – фанданго –
Смерти последний танец.
Пусть же весенние ливни
Омоют тело мое.
И на груди станцуют,
И на глазах станцуют,
Смоют весенний глянец...
Кончилось бытие.

21 ноября 1994

Малое завещание

Зашторьте окна, уберите зеркала.
Я не хочу невольно испугаться
Того, что на поверхности стекла,
Я не способен больше отражаться.

Я с вами, так не плачьте обо мне.
Мне сорок дней дано здесь оставаться.
Ну а потом в мытарств святом огне
Средь бесов и грехов скитаться.

Зеленый свет сорокового дня –
Цвет мудрости всезавершенья –
Укроет мягким пологом меня,
Даруя не спасенье, но прощенье.

Зажгите свечку – я сгорю в огне.
Скажите слово – я услышу слово.
Я там – на глубине иль в вышине –
Не откажусь от своего бывшего.

Я в нем раскаюсь, я его пойму.
Я завершу свой выбор в пользу света.
Я всем вам покажу свою страну,
Но позже... После жизни этой.

6 – 8 января 1996

* * *

Душа созревает, как плод.
Желтеет и гнить начинает.
И кажется, скоро, вот-вот,
Сорвется в последний полет.
Паденьем его называют.

Сентябрь 1994

* * *

Dum spiro spero*

Я живу и дышу, словно пью это небо.
Здесь – у кромки земли – так прозрачно оно.
В нем смешались все запахи крова и хлеба.
Оттого и пьянит оно, словно вино.

Я живу. Это значит, как прежде, надеюсь,
Что не зря погибают святые сердца...
Вольный ветер пустыни надежду развевает...
Знаю: все решено. Только верю, что не до конца.

---

*Пока дышу – надеюсь (лат.).

* * *

*Художнику
Юрию Морозову*

Синева под глазами, синета – в небесах,
Осень пьяная в ярком трико арлекина,
Ветер встречный, а значит, и нужен лишь взмах.
И уже под тобой – за долиной долина.

А потом по-над степью, над влагой морской,
Над прибрежною кромкой, песками Сахары,
Вдоль реки, а потом и над черной рекой –
В мир, где все мы когда-нибудь встретимся старыми.

Здесь седой океан, запах йода и тлен,
Для меня здесь конец всей земной ойкумены.
Впереди только остров один – Кергелен,
А за ним лишь Антарктики белые стены.

Я, наверное, здесь бы хотел умереть –
Замереть, как скала, обращенная к югу,
За спиною оставив и путь свой, и смерть.
Впереди только остров и южные вьюги.

9 марта 1996

Над «Гамлетом»

«Быть или не быть?..» И про́пасть между строк,
Между чужим поступком и бездействием.
Самоирония и рок –
Смысл первой сцены акта третьего.

Заснуть, забыться и не жить?
Или, отбросив все сомненья,
По сути, подвиг совершить,
Мучительно поверив тени?

Принять условия игры,
Включить трагедию в интригу,
И в обстоятельства судьбы
Играть до гибельного мига?

Мне все не ясно и теперь,
Но капитаны – в коридоре!
И скоро распахнется дверь,
И я, как прежде, – в Эльсиноре.

5, 13, 14 апреля 1996

* * *

Как тихое ночное наводненье,
Долины забирает тишина.
Тумана белая стена
Уже плывет в свои владенья.

Так медленно живет земля,
Так медленно цветут растенья,
Что даже время стало тенью
Недвижимого корабля.

И в мир просторный и немой
Вступает горечь сожаленья
О том, что стал сегодня тенью
Остаток страсти неземной.

Но время начинает плыть,
Хоть в парусах лишь ветер лунный.
И странно то, что можно думать,
Что думая не стоит жить.

Август 1995 – 26 марта 1996

* * *

Когда застынет даже свет,
Как лед в пустынях мироздания,
Мое классическое «нет!»
Начнется нотой отрицанья.

Нет! Разрушающий поток
Вселенной сна не потревожит,
Он только завершит виток
И большего, увы, не сможет.

Но все ж сквозь мрак и пустоту,
Как зов он будет что-то стоять.
Я душу разбужу одну.
Нас станет в этом мире двое.

1 сентября – 10 сентября 1995

Вавилон

Вавилон. Это значит Вселенная.
Вавилон. Это значит блудница.
Он разрушится непременно,
Но пред этим совокупится.

Прорастут его страшные тени
В ярких светах грядущего дня.
Пред антихристом на колени
Вавилон не поставит меня.

Я-то знаю ловушки для слабых
И мозаику лживых мессий.
Растекается черною лавой
Грязь из самых глубоких трясин.

Но пылающий меч Михаила
Мне прорежет иную среду.
По нему, как по бритве, над илом
Черной ночи я в вечность уйду.

Фазтон

Ночь уже закачалась в седле,
И откуда-то с юго-востока
Темнота потянулась ко мне,
А в душе, как в колодце глубоком,

Отразился вечерний Геспер –
Звездный вестник любви и печали,
Лишь намек вереницы потерь
Рода, имени, жизни и славы.

Ты согласишься ему, Фазтон,
И, к великой любви не готовый,
Полубог, словно в призрачный сон,
Ты шагнешь к испытанью суровому.

Афродита и любит, и ждет.
Верен Гелиос данному слову.
Ты уйдешь в свой смертельный полет,
Чтобы сбросить сомнений оковы.

Брат мой звездный, я так же, как ты,
Все сомнения разом отброшу
И возьму в миф, в легенды, в мечты,
Непосильную памяти ношу.

10 – 31 декабря 1995

* * *

«У нас какая-то жалкая весна...»

Из письма А.Чехова

А.Суворину 13 апреля 1895

Какая чеховская жалкая весна!
В ней нет дорог – в санях и на колесах.
Зима живет еще в снегах и снах,
В цинготных разрушающихся деснах.

Весеннее неистовство в крови
Не буйствует. И гонит эти строки
Какое-то подобие любви,
Способное на мелкие пороки.

Вот завтра Пасха. Помним мы о ней
Язычеством нехитрых ритуалов.
И куличи печем в один из дней
Страстной недели, красим яйца алым.

Но всем нам так недостает страстей:
Ни человеческих, ни Божьих.
Мы все в плену ленивых дней,
На жалкую весну похожих.

13 апреля 1996, канун Пасхи

Простота

Мы женили последних друзей
И расстались с последними женами.
В наших мыслях мы стали смелей,
А во всем остальном осторожными.

И уже декадентский кураж
Не ломает привычной беседы.
Простота – не случайная блажь,
А преддверие будущей Леты.

В ней мы канем, сумев осознать
Бесполезность наивных претензий
Усложнять этот мир, нашу связь
С этим миром причудливым вензелем.

26 – 29 сентября 1996

* * *

Поэзия сама себя питает.
Давно уже ни умный разговор,
Ни щебет птиц, ни чахлый косогор
Ей свежести, увы, не добавляют.

И все-таки она живет.
И ритмы дактиля – важнее наблюденья
За ласточкою, чей полет,
Казалось, будит вдохновенье.

Поэзия – в себе. Она одна
Рождает новые значенья
Всех старых слов. Она – синоним сна,
Наполненного символами чтенья.

Лето 1996

* * *

*«О! Есть невыразимые слова.
Кто их сказал, потратил слишком много»*

Анна Ахматова

Поэзия – искусство повторять
Миров любви ритмические руны.
В конце строки – незримую печать
Умело в строчки заключать,
Как в ноту на звучащих струнах.

Поэзия – искусство не понять,
Что бесполезно повторенье.
И лишь секундное прозреньё
Способно новой песней стать.

Но что за этим? Пустота
Бессмысленного горизонта.
Пройдут мгновенья, дни, года
Придут другие, и тогда
Их повторенье станет звонким.

Другие станут повторять
Твое секундное прозреньё.
Они сумеют не понять,
Что бесполезно повторенье.

Птицеворот

Птицеворот грачиной стаи
Перед отлетом над землей,
Изрезав весь закат крылами,
Всё не прощается со мной.

Еще мгновенье, и начнется
Осенних месяцев излет –
Октябрь дождями изольется,
Ноябрь снегами изойдет.

Но между ними в промежутке
Есть очень черная пора.
Там ночи измеряют сутки,
Там серы сумерки с утра,

Там ожиданье не тревожит,
А больно жжет. И встречи ждать
Уставшая душа не может
И стонет, и желает знать,

Что там – за дальними снегами:
Весна или последний лед
Над головою, под ногами?
И возвратится ли строками
Сегодняшний птицеворот?

Ноябрь 1995

**Из книги
«Артефакт»**

Стихи 1997 – 2002

* * *

Аркадию Пронину

Утром кофе, ночью валидол.
Сорок лет. Пора грустить о вечности,
О себе, судьбе и бесконечности
И о том, что смог и что нашел.

Впрочем, явно больше потерял,
Раздарил и даже повыбрасывал,
Находя в потерях матерьял
Для стихов возвышенных и страстных.

Это страшно, но еще страшней,
Жизнь потратив ради тонких книжечек,
Побояться встретить юбилей
Средь друзей – седеющих мальчишечек.

Сорок – это танго на снегу:
Скользко, глупо, очень неудобно.
Пишется, как прежде, в пустоту,
Только реже и не так подробно.

2000 – ноябрь 2002

Орфей

Очаровывать зверей и тени,
Выводить любовь из темноты
Так легко, но все же на колени
Опускаешься, Орфей, и ты.

Будто знаешь: темен каждый жребий
Всех певцов, а музыка судьбы
Так трагична. В полуночном небе
Тот же признак – призрак пустоты.

Мир получит лучшую легенду –
Про певца, сошедшего в Аид.
Отчего же голос не победно,
А тревожно над землей летит?

Что с того, что в вечности пребудут
Все твои поступки и мечты?
Твои песни люди позабудут!
В этом главный признак пустоты.

21 октября 1992, 1998,

9 января 1999

29 января 1837

Мойка, 12. Без четверти три.
Умер поэт. Остановлены стрелки.
Город ослеп, и смотри не смотри,
Снег за окном – бесполезный и мелкий.

Стрелки – как два окончанья креста,
Те, что к земному поэта распяли.
Но он ушел. Вертикаль – пустота,
Та, что бывает в конце и в начале.

Город Петра повторяет слова,
Те, что апостол сказал перед смертью:
«Тайна креста – это суть божества,
А не скрещенные жерди.

Все мы распяты грехами Земли,
Все мы несем вертикальные души»...
Значит, ты жив. За меня помолись,
Пушкин.

Конец 1999

Николаю Гумилёву

Сто десять лет прошло, пройдет еще сто лет.
Когда-нибудь в сознании потомков
Возникнем мы, как равнодальный свет,
Как речь певучая, звучащая негромко.

Соединит двадцатый горький век
Два наших имени и рядом их поставит,
С несхожею судьбой двух человек
Объединить века заставит.

Бенгальский свет твоих времен
Ориентиром был мне верным.
Ты в девятнадцатом рожден,
А я исчезну в двадцать первом.

Три века, словно три окна
На этажах тысячелетий,
Три века, словно три пятна,
Огнем серебряным засветят.

И вот когда я утолю,
Устало закрывая веки,
Старинную мечту свою –
В Серебряном проснуться веке.

1996 – 2000

Поэтическое искусство

Просуетившись долгий срок,
Сыграв при жизни роль клеветы,
Я понимал себя поэтом
Лишь во мгновенья между строк,

Когда блуждающая мысль
Дрожит предтечей озаренья,
А ты, исполнившись волненья,
Ждешь, чтоб отправить строчку ввысь,

Как выдох миру то отдать,
Что изначально в мире жило,
Хотело, двигалось, кружило,
Да только не умело знать,

И знанью навсегда отдать
Название мысленной фигуры,
А дальше править и терять...
Оставшееся есть литература.

22 – 24 марта 1999, 16 ноября 2002

* * *

Петру Новохатскому

Где ты, мой медленный читатель,
Который в книжке целый год
Не может растопить весь лед,
Что между строк ее создатель

Залил, как ртутью зеркала,
Не помнящие отраженья.
В стихах – борьба добра и зла,
Но без участия в сраженьях.

Так, только отражая мир,
От благочинности к пороку
И ты по плоскости скользил,
Всецело подчиняясь року.

Быть может, эту скупость слов,
Отсутствие следов работы
Поймет другой – не ты, а кто-то,
Как отголосок общих снов

О чем-то большем, чем итог,
О чем-то меньшем, чем ошибки.
И медью заиграет слог,
И вырвется из строчки зыбкой,

И многоцветная волна
Всех чувств, растопленных вниманьем,
Найдет другие имена,
Чужое захлестнув сознание.

Что нам с того? Короткий срок
Отпущен нам на «жили-были».
Мы оба красоту любили
По-разному, но между строк.

* * *

Искать слова, чтоб ум угомонить,
И находя их жалкие осколки,
Из смальты непрозрачной, тонкой
Смятенных чувств мозаику творить.

Так из кусочков – лики, города,
Но между слов – свинцовые прослойки,
И отравленья привкус горький –
Для мастера привычная беда.

Чужие храмы будут украшать
Мерцающие изнутри полотна,
И пар дыханий молящихся плотно
На стеклах станет оседать,

И исказить их цвет и суть,
И даже их служенье Богу,
Но их почистят понемногу –
Когда-нибудь и кто-нибудь.

И засияют в чистоте
Все непрозрачные попытки
Прикосновения к мечте
И к смыслу только словом зыбким.

* * *

«И стал свет».
Бытие 1,3

Я растерял черновики,
Забыл события и даты.
Лишь слово призраком строки
Дразнило и вело куда-то,

А звук охотничьих рожков
Манил в отъезжие владенья,
Где, принимая мир без слов,
Я в звуках всё искал спасенья,

Хоть смысла не несет волна
И тоньше звука цвет поющий,
Я ритмизировал бегущий
Свой взгляд и небо пил до дна,

Пытаясь Божию поэму
Понять без звуков и без слов...
Господь не знал черновики,
Когда разрушил мрака стену.

23 – 26 марта 2001

* * *

Вячеславу Моисееву

Дыханье жаркой Азии в щеку,
Холод Европы с другого боку.
Кто я? Распятый дорогами путник,
Черный рыцарь, мытарь, беспутник?
С кем я, мастер ненужной культуры?
Черно-белое поле, фигуры...
Кого-то срублю, под кого-то подставлюсь.
Был дураком, дураком и останусь.
Я в «Русском бистро» – в Москве, не в Париже.
Сервис похуже, цены пониже.
Срываю безумство, как позументы,
Рву бесполезности злые моменты.
Мы не нужны ни сейчас, ни дале.
Были нужны, но, увы, опоздали,
Просто канули в серые сумерки века.
Как Диоген, ищу человека –
Днем с фонарем души зажженной
Среди поколения обреченных...
Круг замкнулся – хотели и стали,
Но опоздали, увы, опоздали.

4 – 26 декабря 1997, 1998

* * *

Дочери Полине

Я устал от майских холодов
И тысячелетия последнего,
Здесь – в безвременье, в глуши веков –
От веселья глупого, предлетнего.

Отражается в моей душе
Только горечь мира уходящего.
Он дрожит в последнем мираже,
Оставляя мало настоящего.

Кто же эту лепту сохранит?
Чем заплатит за ее спасение?
Кто же тот непризнанный пиит,
Что рожден для нового рождения?

Утро 9 мая 2000 года

Гроза

Из воздуха ушло ночное электричество,
Сквозь молнии – к земле, сквозь тучи – к небесам.
Гроза ночная, темное величество,
В сиянии своем явилась в гости к нам.

И хлещет ребра туч бичом остервенелым,
И рвет пространства ткань раскатами громов.
Во вспышках голубых весь мир, как омертвелый.
Движенье только там – в разрывах облаков.

То ли охота там идет, то ли погоня,
А то ль сраженье в столкновенье конных лав...
Ведь так рождалась жизнь – в мучительной агонии
Всех неживых частей, в себя их мощь вобрав.

В грозе – пропамять и происхождение,
Но обязательно в ночной грозе.
Во вспышках молний – чуткие мгновения
Явленья сущего на явленной Земле.

* * *

На всех у Господа не хватает жалости,
Не хватает зла на всех у сатаны.
Полулежалостью, полубежалостью
Страдаем мы.

Нам чудится, что позабыты Силами
Остатки душ, влачащиеся в нас.
Мы засеваем прошлое могилами,
Не веря даже в Судный час.

Но зазвучит над небом и над вечностью
Высокий звук архангельской трубы.
Полуубогими, полуувечными
Останками себя восстанем мы.

Для наших душ ущербных и уродливых
Не хватает даже милости и зла,
И навсегда застынем на пороге мы:
Ни света и ни тьмы, но мгла.

27 сентября 2000

Последние стихи тысячелетия

Последняя зима тысячелетья...
Быть может, вправду сумерки богов
Кольшущейся серой тенью
Укрыли дерево миров.

Мораль в стихах – для эпоса и басни.
Она нужна в последний темный срок,
Когда надежда, словно лучик, гаснет,
Но не бросает карт игрок.

Игра идет – без смысла и без правил,
Как ставка – новый год и век.
На единичку ноль исправит
Наш неизменный человек.

Ни философию и ни литературу
С собой он в завтра не возьмет.
Дешевых песенок «культура»
В миллениуме новом не умрет.

Все меньше тех, кто тих, печален, светел,
Все больше тех, кто пьет и кто поет...
И, может быть, стихи тысячелетий
В последний отправляются полет.

Стихотворение закончено 1 января
2001 года,
в миг, когда на планете
окончилось второе тысячелетие от Р.Х.

* * *

*Хамиту Шафееву,
Валерию Лукину*

Все было, в общем, так же, как всегда:
Ноябрь за октябрем спешил по следу.
Не снегом вовсе, а подобьем снега
С небес летела стылая вода.

Раскисший мир покорно ждал
Зимы, почти что успокоясь,
Как переполненный вокзал
Устало ждет нескорый поезд.

И снег пришел и свет укрыв,
И сам стал этим белым светом,
Стал тенью чьих-то белых крыл
Над половиной всей планеты.

Луж темно-влажное стекло
Под утро серебристым стало.
А небо, словно зверь усталый,
Над нами отдыхало тяжело.

25 октября – 2 ноября 2002

2 августа 2001

В тот день опять сверлили «Курск» –
Позор страны и президента,
Богатые считали ренту
И доллара следили курс.

Террор, чеченская война,
Атаки антиглобалистов
С рекламой памперсов и «твиксов»
Эфир заполнили до дна.

Провинциальный город наш
Прощался с летнею жарою
И ждал прохлады и покоя
В который раз, в который раз.

И август, проводив в дорогу
Июльский пыл, свой примерял венец,
А друг сказал: «Мы – пыль,
Мы только пыль
На стопах Бога»...
Той ночью умер мой отец.

5 октября 2001

* * *

Вдруг, как пчелы умершего лета,
Оживает былое в душе...
До рассвета, в жаре до рассвета
Мне кружиться в бреду, в мираже.

С боку на бок, из прошло – в кому
То ли сна, то ли забытия,
Догоняя надежды истому
В ярких светах грядущего дня.

И бродя между темными снами,
Где так гулко звучит тишина,
Знать, что чуткими злыми стрелками
Найден ты, и судьба решена,

Ты исчерпан, как список историй,
Только подписи нужен узор...
О тебе промолчит консистория
И одобрит чужой приговор.

1992 – май 1999

* * *

Алексею Журбенко

Сегодня падала звезда.
Из ниоткуда в никуда.

Ворваться, прочертить и сгинуть...
Не в этом ли и мой итог?
Для памяти чужой покинуть
Себя, оставив пару строк:

«Сегодня падала звезда.
Из ниоткуда в никуда».

Ночь на Волге

Наталье Давыдовой

Бездумье. Пустота. Но здесь – на грани смысла
Струящийся воды – мне чудится итог
Бессвязности речей и парадоксов мыслей.
Мне все равно: что мир запутан, что он строг.

Мне не понять его спокойным или страстным.
Мне не понять себя, тем более сберечь...
Так волны в пустоте сливаются с пространством
Воздушным над собой, но все же будучи течью.

7 – 17 августа 1999
Казань – Оренбург

* * *

Уйти из дома, как в последний раз,
Сойти с ума, как с поезда в глухую полночь.
И больше не надеяться на помощь
Нас провожающих в дорогу глаз.

Шагнуть в распутицу весенней пустоты,
Звенящей грязью бредящих деревьев.
И понимать себя седым поверьем
Последней человеческой мечты.

И знать, что перестанешь жить
Засохшей веткой странного народа...
Весною распускается природа,
И кто-то должен лепту заплатить.

2 апреля 2000

Элегия

Хамиту Шафееву

Где-то в трубах шумит вода
И звонит чужой телефон.
Так бывает всегда, когда
Слишком чуток тревожный сон.

Как младенец под ночником,
Можно всхлипнуть, что ты забыт
В детской взрослыми, и тайком
Прочитать одну из молитв.

Город полон ночным чужим,
По дорогам авто снуют.
Можно сесть в одну из машин
И поехать туда, где ждут.

И приехать туда. Куда?!
Где те люди и где тот дом?..
Просто в трубах шумит вода,
Но уже молчит телефон.

25 января 1999

Карамболь

Ах, женщины моей поруки,
Вы ветрены и неверны.
Стихи для вас – синоним скуки
И воплощение вины.

Вы – радость или даже счастье,
Или печаль, не равно все ль?
Ведь я, по сути, лишь участник
Игры с названием карамболь...

Стук шарика о шарик, дальше
Другой расклад, другой удар.
Здесь промах не подобен фальши,
Глаза, как сдвоенный кошмар,

А счетверенное пространство
Бортов – пространство для судьбы.
В нем три цветных непостоянства
Метутся логикой игры.

Мелькнет на стеклах лунный зайчик,
Погасят свечи, и тогда
Шары и фишки сложат в ящик,
И, может статья, навсегда.

26 – 27 апреля 1997

Романс

Наталье

Прости меня, я растерял слова!
Я стал подобьем солнечного света
В начале осени, когда едва-едва
Он начинается с рассветом.

Я только сумрак утренних минут,
Я только музыка в тонах зеленых
И светло-желтых, как весь мир вокруг
В наряде древ коленопреклоненных.

Я знаю, ты не поклонисься мне,
Ты не захочешь нового рассвета
И старых слов. Но, может быть, во сне
Ты вдруг увидишь тонкий лучик света.

Прости меня, я растерял слова
В начале осени, когда едва-едва...

5 мая 1998

Артефакт

Когда ты знаешь: все пройдет
Лишь потому, что все проходит,
Когда сжимает время ход,
Но ничего не происходит,

Когда со странным déjà vu
Ты утром поднимаешь веки,
Не разделяя жизнь свою
На ныне, присно и вовеки,

Когда шампанского бутылка
Или «Женитьба Фигаро»
Не так уж веселы и пылки,
А мир прозрачен, как стекло,

Когда и небо – только знак,
Хотя восторженно и чисто,
Прими весь этот мир, как факт
Искусства... иллюзиониста.

Август 2002

**Из книги
«Алфавит»**

Стихи 1979 – 2004

Баллада

В ноябре прохладно дышится,
Да и пишется с ленцой.
Так клубится и колышется
Зим порядок вековой.

Все устроится по-прежнему:
Круг замкнется – ляжет снег.
По-простому, по-безгрешному
Зиму встретит человек.

Будет жить, сушить сухарики
И за миром наблюдать.
Станут местные бухарики
По подъездам выпивать.

Снег за снегом, слово за слово.
– Ты базарь, но мать не трожь!..
Он домой вернется засветло
И нарвется он на нож.

То-то будет пробуждение,
Как в Давидовом псалме,
Ангелов святых кружение
Наяву, а не во сне.

И сольются в белых омутах
Три библейские реки...
Звери – в клетках, люди – в комнатах,
Все от Бога далеки.

Только он летит по-птичьему
В небеса, из века – в век.
Не святой, не возвеличенный,
Но прощенный человек.

Бессонница

Метафизика – основа темноты.
Ты живешь, а ничего не изменяется.
Звук часов – помощник тишины.
Кружат стрелки. Это время мается.

Страшно. Темнота – коварный друг.
Нас она пугает первозданностью.
В ней пружины временных минут
То сжимаются, то разжимаются.

Странно, что треть жизни в темноте
Мы проводим, а ее пугаемся.
Нас спасает то, что в пустоте
Кружат стрелки. Это время мается.

Маятник – от слова «маяться».

* * *

Вы вновь являться стали мне –
В чужих прическах, жестах, взглядах,
Как след дыханья на стекле,
Как запах сладостного яда.

Вы для меня – почти мираж
В дрожанье маревого лета.
Пусть остается образ ваш
Последним в памяти поэта.

Я, превращая вас в мечту,
Законов правды не нарушу.
Я руку отдаю мечу,
А Богу предлагаю душу.

Время одной сигареты

В общем-то, это немного –
Время одной сигареты.
Здесь – на земле, у порога,
В поисках правды и света.

Медленно тлеет надежда,
Пальцы уже обжигая,
И представляются прежними
Краски минутного рая.

В небе – доходчиво пусто.
Не закричать и не взвиться.
Высшее в мире искусство
Просто молчать и томиться

Здесь – на земле, у порога,
В поисках правды и света...
В общем-то, это немного –
Время одной сигареты.

Горькая песня

Я посажу кофейное зерно,
Вдохну мне не знакомый ветер юга,
Пойму, что мы знакомы так давно,
Должно быть, до рождения друг друга.

И чудится тяжелый влажный лес,
Дыханье остывающего моря.
Закат, пылающий на четверти небес,
Где золотое с черным спорят.

А вот еще – вечерняя пора,
Крик караула, стук засова,
Среди средневекового двора
Случайно так не сказанное слово.

Так до рожденья, до весны
Мы разлучились, чтобы возвратиться
Вот в эту жизнь, вот в эти сны.
Нам остается только сниться

Друг другу. А луна – в окно
И замыкает цепи жизней.
И верится: очнуться суждено
Нам в незапамятной Отчизне.

И я сажаю горькое зерно.

* * *

Два серых тумана бредут по дороге
Навстречу друг другу в ложбину ночную.
В пространствах темнеют забытые боги
И вновь проклинаят судьбу кочевую.

Два серых тумана сойдутся в распадке
И, прежде чем выпасть, расколют друг друга.
А люди потушат ночные лампы,
Сведутся концы ежедневного круга.

А значит, как прежде, дышать настоящим
И, утренней свежести не замечая,
Быть просто куда-то устало спешащим,
Другого не зная и не принимая.

В колючих и звонких обломках тумана
Будить предрассветную тишь?
Очнуться душой? Впрочем, поздно и странно...
Душа, почему ты молчишь?

* * *

...И я обрушился в себя...
И долго только пыль клубилась,
Когда так глиняно разбилась
Надежда дерзкая моя.

К Тютчеву

Ложатся грустные итоги
В прямоугольники листов,
Когда в сознании готов
Лишь *образ* пройденной дороги.

Второе зренье бытия
Есть лишь двойное искаженье...
Тройное – это жизнь твоя
Уже в читательском прочтении.

Суметь отобразить всю суть:
Мир – сквозь сознание – на страницу.
Так образ дышащий теснится
С надеждой глубоко вздохнуть.

Прелюдией на небесах
До смысла нужный смысл приблизить,
Чем нечувствительно возвысить
Читателя в его глазах.

Все это есть напрасный труд.
Как часто это понимая,
Поэты вдохновенно лгут.
Мысль – ложь,
Пусть даже мысль немая.

* * *

Когда ко мне приходит нежность
И строгой делает любовь,
То, позабыв свою мятежность,
Я не тревожу ваших снов.

Когда, вдохнув ночную свежесть,
Я допускаю слово «пусть»,
Как бы итог и безнадежность,
С небес ко мне слетает грусть.

Пусть мира тесное соседство
Шумит и стонет вдалеке.
Сегодня ночью королевство
Зажато у меня в руке.

Оно и нежностью, и грустью
Горит в мирах наверняка...
Рука устанет и отпустит
Банальнейшего светляка.

* * *

Мертвая сонная зыбь,
Легкая синяя гладь.
Хочется просто забыть.
Хочется просто устать.

Тихо течением плыть.
Песней себя укачать.
Просто не хочется быть.
Даже не хочется стать.

Только не надо страстей.
Было же, было не раз –
Жаркие руки ночей,
Блеск ожидающих глаз.

Мне не назначено встреч.
Значит, не будет разлук.
Разве горячая речь
Стоит пустыни вокруг?

* * *

Но перед тем как ставить точку,
Сходи в далекий магазин,
Купи стихов – всего две строчки:
*«– Все прошлое выходит из глубин...
– Любимая, но я Вас не любил...»*
И больше не читай ни строчки.

* * *

Ночи станут светлее.
Это снег.
Суетливей, смелее
Жизни бег.

Осень тихо шептала:
– Всех прости.
А зима обещала
Опустить.

Только вспыхнул так смело
Синий май.
Открывай свою землю
И играй.

Лето, жаркое лето
Всех дорог.
Листья сбросило лето
На порог.

Вновь осенняя песня –
Тихий стон.
Только очень невесел
Этот сон.

Видно, сердцу милее
Мягкий свет.
Ночи станут светлее.
Это снег.

Одинокая молитва

Пока еще праведник молится,
Пока читает Псалтырь,
Господи, Богородица,
Спасите наш дольний мир.

Жизнь-родник превратив в болотину,
Мы забыли, что «Аз воздам!»,
Яко пес на свою блевотину,
Возвращаясь к своим грехам.

Только где-то в далекой пустыни
Кто-то просит, чтоб блудный сын
Возвратился к Отцу. Без усталости
Кто-то молится там один.

И Вселенная вся спасается,
Может быть, молитвой одной.
Так надежда святая мается,
Словно пар над нашей землей.

Он – дождь

Он – дождь! Он получил название.
Он – дождь. Он смывает снежный след
И утолит извечное желание –
Ночной и зимний – томным ожиданием
Встреч мимолетных – маленьких побед.

Он – дождь! Смотрите, он из капель.
Он жизнью не своей живет.
Клочков тумана – серых капель –
Ночной изысканный полет

Объявит о его кончине.
Он был дождем и вот – туман.
И в этом даже нет причины:
Неправильность сменил обман.

Все скрыто, ненадежно, зыбко,
И тает свет в прохладной мгле.
Ведь так копеечная скрипка
Играет реквием себе.

Он – дождь! Его вы не застали,
Но, может быть, в чужом краю
Прислушались и услышали
Ночную исповедь мою –
Молившую зимнему дождю.

Париж

У подножья Монмартра я вновь вспоминал друзей,
Их стихи, что могли бы украсить столицу
Всех искусств... Снова пить – не напиться
Этим духом каштановым, что с Елисейских полей.

Снова осень в Париже. Как странно себя ощущать
Здесь опять, по прошествии десятилетия.
Облака, как ремни изнурительной плети,
Всех грехов непрощенных? Прощенных? Как знать...

Горечь кофе смешается с мыслью о том,
Что уже не собраться нам в полном составе
Здесь. А значит, листочек оставим
Со стихами, как плату. Мы больше сюда не придем.

* * *

Пожелтевшие листья травы,
Заблудившийся в небе рассвет...
– Что ж так поздно? – промолвите вы.
– Что ж так больно? – спрошу я в ответ.

Почему – я и сам не пойму –
Мы не ценим минутного «вместе».
Жизнь идет под откос и во тьму
Бестолковой сверчковой песней.

Расшатанные строчки

Никогда не говори «никогда»,
Никогда не обещавай «навсегда».

Абсолютного среди людей просто нет.
Это только свет означает свет.

Это только тьма означает тьму.
Без ответа на извечное «почему?».

Может, эти мысли были травой.
Может, эти звуки станут водой.

Раньше всяких слов тоже были слова.
Те, что через суть проступают едва.

Но в любом названии есть ущерб.
Не луна в сознании, только серп.

Эту часть доступную назови.
Нет от знания радости без любви.

Полюби все сущее, словно свет,
И твое грядущее даст ответ.

Ты прорежешь темное, как мечом,
Мыслью окончательной, став лучом.

Романс

Я повернусь лицом к тебе
Сквозь толщу стен, мрак расстояний.
Ты не одна, с тобой теперь
Страж верный всех ночных желаний.

Как строчки грешного псалма:
– Осанна, – я шепчу, – Осанна.
Тебе – моя мечта и рана.
Ты спишь теперь. Мне не до сна.

Молюсь глазам и подбородку.
Ресницам, трепетным рукам.
Что за блаженство я отдам?
Быть может, этот гимн короткий,

В котором не уснуть сердцам.
Сквозь стенки тел, как зов, как вызов,
Они стучат. И вот с карнизов
Моя душа слетает к вам

И бьется бабочкой в стекло.
Еще немного – и услышишь:
Не ветер заблудился в крышах,
А крылья отдают тепло.

Сплин

Я заплакал бы синей метелью,
Засмеялся бы красным огнем,
Полюбил бы дождем-акварелью
И растаял серебряным льдом.

Только где мне взять слезы, чтоб плакать?
Где взять силы для смеха-огня?
Вновь весенне-холодная слякоть
Поселилась в душе у меня.

Серый призрак томленья блуждает,
Как обманщица жизни – весна.
Кто сказал, что весна исцеляет
От тоски, от болезней, от сна?

На душе темнота даже днем.
В сердце нет больше места веселью.
Засмеяться бы красным огнем
И заплакать бы синей метелью.

Стансы

1.

Над беспечным – небо, нет печи,
Крова нет и нет трубы над крышей.
Промолчи, а хочешь – прокричи.
Кроме Бога, нас никто не слышит.

2.

Мир – прекраснейший иллюзион.
Только чувства не спасают душу.
Если сам собой заморожен,
Быстро сердце ты свое иссушишь.

3.

Станешь верить в самость бытия,
В пустоту небес и преисподней
И забудешь то, что жизнь твоя –
Только искра милости Господней.

4.

Бытие, пытая словом «сметь»,
Вовсе и не думает о смерти,
Суэта скрывает круговерть...
Только есть конец и круговерти.

5.

«Суэта сует, все суэта»...
Только в Книге за Экклезиастом
Есть спасительная простота,
Понятая нами лишь отчасти.

6.

Ведь томленье духа – не обман,
Не пройдет, как корь или ветрянка.
Написал для нас Тертуллиан:
Души все, по сути, христианки.

7.

Путь – известен. Узок царский путь.
Меж уныньем и слепой гордыней
Дай нам Бог пройти и не свернуть
На обочину святой пустыни.

* * *

Темно-красные полосы туч и заката –
Пробивается в небе моя колея.
Я умру и забуду, как ты мне когда-то
Обещала, что вспомнишь меня.

А под окнами встанет не призрак, не демон
И не дух, а ночной огонек.
И заставит поверить в щемящую небыль:
Без тебя я везде одинок.

* * *

Что ты делаешь со мной,
Что ты делаешь?
Что я сам не свой,
Ты не ведаешь.

Что кричу во сне,
Не узнаешь ты.
На замшелом пне
Вновь растут цветы.

Проросли цветы,
Распустилися.
Не поняв беды,
В рост пустилися.

Там один цветок
Ярко-пламенный,
Он любви росток
Самый памятный.

А другой цветок
Цвета черного
Отливал бедой
Крыльев ворона.

Ну а третий цвет
Из слезинок весь –
Одинокий свет,
Без мотива песнь.

И одной порой
Я сорву их все.

И, умыв росой,
Понесу к тебе.

И одной зарей
Положу к ногам.
Выбирай любой.
Подарю, отдам.

Что ты делаешь со мной,
Что ты делаешь?..

Элегия

Как аллеи парков Коро,
Мне пейзаж оренбургских окраин.
Листья осенью – карты таро,
И гадаю я беспрестанно.

Здесь слагается тайная вязь
Всех моих одиноких прогулок.
Карагач, мелколиственный князь,
Заметает собой переулок.

Здесь так часто стучат поезда –
Поминутно куда-то в пространство.
Одинокий фонарь, как звезда
Путеводная дальних странствий.

Только я замыкаю круг,
Словно ветер Экклезиаста.
Возвращаюсь к себе, мой друг,
Только очень седым и бесстрастным.

* * *

Я сжигаю время, а стораеа память –
Старая бумага, желтые листы.
Скорчившись, сжимает каменное пламя
Робкие надежды, зыбкие мечты.

Догорают песни. Красное на белом.
Старая бумага, желтые листы.
Улетают к небу тихим черным снегом
Робкие надежды, зыбкие мечты.

Я сжигаю прошлое – брошено жилище,
Заметаеа временем одинокий след.
Вздрагивает, бродит в сером пепелище
Брошенный, блуждающий, позабытый свет.

Содержание

Тома и книги нарастающим итогом. *От автора* 3

ИЗ КНИГИ «ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ»

«Осенний парк – предмет фотоэтюда...»	7
Дни ноября.....	8
Стансы.....	9
На озере	10
У моря	10
Одиночество	11
Посвящение весеннему льду.....	12
Вторая неоконченная баллада.....	13
Дон-Жуан.....	14
Нарисуй.....	15
Экзистенциализм	16
«Ночная волна зажигает лампы...»	17
«Какой постыдный, жалкий жребий...»	17
«Перелетные птицы российских границ...»	18

ИЗ КНИГИ «СВЕТЛЫЕ ПЕСНИ»

«Я не умру. Я буду взят...».....	21
Ворону.....	22
Из цикла «Иван-чай». 2.	23
Триолет глаз	23
«Расплавленных мечтаний золото...».....	24
«Старый дом и разбитое кресло...».....	24
«Рыжий лис в заснеженном лесу...»	25
Свобода.....	26
Ворону – 2.....	27
Второе желание	28
Элегия	29
«Ангел с печальным и детским лицом...»	30
«Наверное, он прав, мой черно-белый кот...».....	31
Ночная душа	32
«И Франциску помолясь святому...»	33
«Бабье лето окончилось. Дождь...»	34
«На чужой фотографии мутным пятном...»	35
Читателям	35
«И когда небеса наверху еще не были названы...»	36

ИЗ КНИГИ «АРЬБЕРГАРД»

«Я родился и, сумев заплакать...».....	39
Олени-дни.....	39
Серебряный век. Золотой век	40
«В ночи живет другая ночь...»	40
«С утра метет. И холодно в квартире...»	41

«К вечеру жизнь наполняется...».....	42
Лазурь	43
«Шатаюсь в сумерках столиц...»	44
«Я живу в простоте и пороке...».....	45
«Написать две баллады, выпить пинту вина...»	46

ИЗ КНИГИ «ЗИМНЯЯ РАДУГА»

Возвращение Боромира.....	49
«Если голову задрать...»	51
Благовещение.....	52
«Вновь бабье лето – время паутинок...».....	52
Элегия	53
«Я бреду, как слепой...»	54
199.....	54
«Не все еще сделано, не все еще сказано...».....	55
«Вот и всё. И уснула печаль...».....	56
«В прежних жизнях воин и монах...»	57
«Ничто не спасает – ни вера, ни пьянство...».....	57
«Других я не напоминал...»	58

ИЗ КНИГИ «АМО-АМАРЕ»

«Амо-amare... Что же, в этот бред...».....	61
«Ну что же... немного участия...».....	61
«Ты не запомнишься такой, как ты была...».....	62
Одиночество-искусство	62
Рождественская сказка короля.....	63
Елисейские поля.....	64
Танец дождя – фанданго	65
Малое завещание	66
«Душа созревает, как плод...».....	67
«Я живу и дышу, словно пью это небо...»	67
«Синева под глазами, сипета – в небесах...».....	68
Над «Гамлетом»	69
«Как тихое ночное наводнение...»	70
«Когда застынет даже свет...»	71
Вавилон.....	72
Фаэтон.....	73
«Какая чеховская жалкая весна!..»	74
Простота.....	75
«Поэзия сама себя питает...».....	76
«Поэзия – искусство повторять...».....	77
Птицеворот.....	78

ИЗ КНИГИ «АРТЕФАКТ»

«Утром кофе, ночью валидол...»	81
Орфей	82
29 января 1837	83

Николаю Гумилёву.....	84
Поэтическое искусство	85
«Где ты, мой медленный читатель...»	86
«Искать слова, чтоб ум утомонить...».....	87
«Я растерял черновики...».....	88
«Дыханье жаркой Азии в щеку...»	89
«Я устал от майских холодов...».....	90
Гроза	91
«На всех у Господа не хватит жалости...»	92
Последние стихи тысячелетия	93
«Все было, в общем, так же, как всегда...»	94
2 августа 2001	95
«Вдруг, как пчелы умершего лета...».....	96
«Сегодня падала звезда...».....	97
Ночь на Волге	97
«Уйти из дома, как в последний раз...».....	98
Элегия	99
Карамболь.....	100
Романс	101
Артефакт.....	102

ИЗ КНИГИ «АЛФАВИТ»

Баллада	105
Бессонница	106
«Вы вновь являться стали мне...».....	106
Время одной сигареты	107
Горькая песня.....	108
«Два серых тумана бредут по дороге...».....	109
«...И я обрушился в себя...»	109
К Тютчеву.....	110
«Когда ко мне приходит нежность...»	111
«Мертвая сонная зыбь...».....	112
«Но перед тем как ставить точку...»	112
«Ночи станут светлее...»	113
Одинокая молитва	114
Он - дождь	115
Париж	116
«Пожелтевшие листья травы...»	116
Распатанные строчки.....	117
Романс	118
Сплин.....	119
Стансы.....	120
«Темно-красные полосы туч и заката...»	121
«Что ты делаешь со мной...».....	122
Элегия	123
«Я сжигаю время, а сгорает память...»	124

Сергей Николаевич Хомутов
Нарастающий итог

Редактор-составитель Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
Обложка – Сергей Ячменёв

ООО «Издательский дом «Оренбургская неделя»:
460000, Оренбург, пер. Свободина, 9.
Тел./ факс: (3532) 30-59-43, 30-59-46.
E-mail: orned72@mail.ru

Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Подписано в печать 31.10.2012 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Южный Урал»:
460000, Оренбург, пер. Свободина, 4.
Тираж 500 экз. Заказ № _____.

Сергей Николаевич Хомутов родился 14 сентября 1960 года в Оренбурге. По образованию – учитель биологии и химии. Сменил множество профессий – от дворника и учителя до старшего преподавателя вуза и редактора пресс-службы главы областной администрации. С середины 1980-х – в журналистике. Создавал и поддерживал в рабочем состоянии несколько информационных проектов: Зеленый комитет, телеканалы «Регион», РИАД-ТВ, «Орен-ТВ», пресс-службу «Оренбурггазпрома». Был главным редактором газеты «МК» в Оренбурге.

Автор поэтических книг «Второе зрение», «Светлые песни», «Арьергард», «Зимняя радуга», «Привкус вечности», «Алфавит». В соавторстве с Вячеславом Моисеевым написал повесть-сказку «В поисках Живой воды» (2006), по которой был поставлен спектакль в Оренбургском областном театре кукол. Публиковался в оренбургской прессе, в журналах «Урал» и «Москва», в альманахах «Башня», «Чаша круговая».

Член Союза российских писателей.